

КТО И ЧТО ДЕЛАЕТ РУССКУЮ КУЛЬТУРУ «ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ»?*

П.Н. САВИЦКИЙ

В последние годы черты провинциальности в облике современной русской (шире: советской) культуры бросались в глаза каждому, кто задумывался над ее судьбами. В частности, на эту провинциальность неоднократно указывали в течение последнего пятилетия евразийцы и одновременно намечали пути к ее преодолению**. О несомненной провинциализации русской художественной литературы не мог умолчать в своей речи на первом съезде советских писателей и Н.И. Бухарин¹. В этой области она ощущается особенно резко по сравнению с отнюдь не «провинциальным» уровнем дореволюционной литературы, уровнем, определявшимся такими именами, как Блок, Гумилев, Вячеслав Иванов, молодой Маяковский и др. Теперь, в середине 1936 г. на борьбу с чертами провинциальности в современной русской культуре выступает московская «Правда». В особенности показателна в этом отношении статья «Традиции раболепия», помещенная в номере от 9 июля. Что это за «традиции раболепия», может спросить неосведомленный читатель. Ответить страшно: это традиции культурного раболепия перед Западом; за их обличение принялась теперь «Правда». Когда читаешь некоторые места этой статьи порою прямо таки не веришь, что перед глазами — «Правда», а не страницы какой-либо «Евразийской Хроники» или «Евразийского Временника». Правда, коммунистический официоз обличает (беря евразийское выражение) «дрожание подженок» не специально перед Западом, но перед «заграничным штампом» вообще. «Пора, — пишет он, — давно пора подвергать беспощадному осмеянию, презрением окружать людей, которые с лакейским подбострастием относятся ко всему, что носит на себе заграничный штамп». Золотые слова! Евразийцы давно об этом говорили. Нужно только понимать с полной ясностью (во имя исторической истины), что штамп тот, о котором здесь идет речь, есть в первую очередь штамп *романо-германский*, ибо именно он возбуждал, да и возбуждает сейчас комплекс «трясущихся подженок» в душах и телах русских провинциалов. И еще нужно понимать, что борьба с этим комплексом отнюдь не равнозначна отвержению ценностей

* Публикуется по машинописному тексту с авторской рукописной правкой из Государственного архива Российской Федерации: ГАРФ. Ф. 5783. Оп. 1. Ед. хр. 65. Под названием статьи рукописная пометка П.Н. Савицкого: «Существенная в принципиальном отношении статья середины 1936 г. По-видимому, не была нигде напечатана. 10/IX 1944. П. Савицкий». — *Примеч. публикатора.*

** См. сборник «Тридцатые годы». 1931; Евразийская Хроника. XI. 1935. С. 5 – 12. — *Примеч. П.Н. Савицкого.*

романо-германской культуры. Быть самостоятельным во всем и до конца – это вовсе не значит пренебрегать ценностями других народов. Наоборот: только при условии такой самостоятельности ценности эти раскрываются в их истинном значении, не затуманенном переживаниями «трясущихся поджилков».

Спросим же себя: кто же виноват в создавшемся положении? Кто виноват в том, что коммунистическому официозу, перед лицом комплекса «второсортности», овладевшего многими советскими учеными, приходится восклицать: «Нельзя дальше терпеть подобное положение. Советский Союз – не Мексика, не Уругвай какой-нибудь, а великая социалистическая держава. И русский язык – это язык могучего народа, на котором говорят по меньшей мере 150 миллионов человек. Ему пора занять подобающее место, как одному из крупнейших международных языков, в том числе и в науке». Почему «Правда» должна напоминать советским ученым эти элементарные вещи, касающиеся значения русской культуры и русского языка?

Коммунистический официоз всю вину в том возлагает на «правящий отбор» дореволюционного русского государства. «Патриоты российского самодержавия, – пишет он, – презирали свою родину. Знаменосцы “самодержавия, православия и народности” глубоко презирали и самый русский народ, его труд, его язык, его песни, им рожденное искусство и науку. Дворянская аристократия всегда считала русский язык языком хамов и смердов, языком, который не может передать ни душевных переживаний, ни высоких чувств, ни тонкостей науки. То французский, то немецкий, то английский язык поочередно становились родным для российского дворянина; пренебрежением ко всему русскому дворянство заражало и значительные слои интеллигенции, деятелей науки в том числе. Десятилетиями насаждался тот взгляд, что свет науки исходит только с Запада, только от иностранцев».

В этих утверждениях много правильного. Только «православие и народность» здесь ни при чем. К тем, кто в отличие от бюрократов императорской России действительно глубоко переживал «православие и народность», – к ним все сказанное в предыдущих словах отнюдь не относится. Пред лицом извращений, которые наблюдаются в настоящий момент в толковании русского фольклора, сама же «Правда» принуждена была сослаться на такого сторонника «православия и народности», каковым был Петр Киреевский^{***}. А ведь П.В. Киреевский не был одинок: он принадлежал к целой *группе* деятелей, сыгравших большую роль в развитии русской культуры. Но нечего правду таить: работа людей типа Киреевского была скорее исключением, чем правилом. Повторяем, вышеприведенная, заимствованная из «Правды»

^{***} Номер от 1-го июля 1936 г., статья «Враки». – *Примеч. П.Н. Савицкого.*

характеристика культурной обстановки императорской России обоснована в значительной степени. Ее в ряде черт может подтвердить и каждый наблюдатель русской эмиграции, этого исторического образования, тесно связанного с традициями именно «европеизированной» России. Конечно, не во всех, но в очень многих случаях ему приходится удивляться, как мала в ней (особенно в наиболее квалифицированных ее частях) привязанность к родному языку (пример: русские организации, печатающие свои работы... по романо-германски), как насколько она лишена способности отстаивать достоинство своего языка, насколько пронизана, от мала до велика комплексом «второсортности», совершенно не отвечающим действительной подготовке этих людей (в сравнении с иностранцами). Во имя своего призвания в общем деле русской культуры и во имя «национальной гордости» не отказавшиеся от русского имени эмигранты должны решительно бороться с этими явлениями. Но тут, как никак, мы говорим о людях, находящихся в национальном вопросе в особенно трудном положении, о людях, лишенных родной почвы. Гораздо чудовищнее то, что подобные явления наблюдались и на русской почве в дореволюционной России. Над явлениями этими задумывались буквально все, без исключения, русские выдающиеся люди XVIII, XIX и начала XX веков (нарочитых «западников», не замечавших этих явлений, мы не можем считать выдающимися людьми). Особенно много передумали и сказали по этому поводу уже упомянутые в предыдущем славянофилы. О пропасти «между народом и образованными классами»² вдохновенно говорил в начале 1920-х годов Н.С. Трубецкой****. Теперь о том же — сугубо осудительными по адресу прежних русских «верхов» словами заговорили коммунисты. В интересах исторической правды нужно признать, что лицо российского дворянства, изображенное в «Правде», не есть единственное его лицо. Никак нельзя забывать, что великую и самостоятельную русскую литературу, литературу Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Толстого — создавал ни кто иной, как русские дворяне. Они ли не знали и не ценили русского языка? Дворяне же (Языков, Киреевский и др.) первыми начали собирать русские народные песни. Немало сделали они и по изучению русского народного искусства (вспомним хотя бы труды А.А. Бобринского³ по изучению русских деревянных изделий). Они же в длинном ряде отраслей начали и русскую науку. В науке русской истории это совершенно очевидно. Татищев, Щербатов, Карамзин — все они были дворянами. Но, напр<имер>, и величайший русский математик Лобачевский был дворянином Казанской губ. Можно сказать так: новый «ведущий отбор» сможет лишь в том случае спра-

**** В особенности в статье «Верхи и низы русской культуры», сборник «Исход к Востоку», 1921, с. 94–96 и др. — *Примеч. П.Н. Савицкого.*

виться с традицией дворян-отщепенцев («традицией раболепия») — если он сумеет опереться на традицию дворян-россиелюбцев. Усвоение того лучшего, что было создано старым «ведущим отбором» — совершенно обязательно для нового, если только он желает справиться со стоящими перед ним творческими задачами. В таких явлениях как культ классиков русской литературы в СССР этот тезис находит себе практическое применение. Нужно только понять, что дело не может ограничиться одной художественной литературой.

Да, на многих и многих элементах старого русского правящего слоя лежали тяжелые грехи измены родному народу и родной культуре, и абстрактного «европеизма». По твердому убеждению евразийцев, одна из задач революции заключается в том, чтобы покончить с миражом этого «европеизма» и вернуть русскую культуру на ее народные корни.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Первый Всесоюзный съезд советских писателей прошел в Москве с 17 августа по 1 сентября 1934 г. Николай Иванович Бухарин (1888 – 1938), в то время главный редактор газеты «Известия», сделал на съезде доклад о состоянии поэзии в СССР. В частности, в докладе он заявил, что в советской поэзии царит глубокая некультурная провинция. Доклад Бухарина резко критиковали делегаты съезда, поэты А.А. Сурков, С.И. Кирсанов, В.М. Инбер, Д. Бедный, А.И. Безыменский.

² Лингвист, философ, один из основателей и лидеров евразийского движения Николай Сергеевич Трубецкой (1890 – 1938) в статье «Верхи и низы русской культуры» (1921) писал: «В конце концов, несмотря на все усилия русской интеллигенции (в широком смысле этого слова), две пропасти, вырытые Петром Великим, одна – между “допетровской” Русью и “послепетровской” Россией, другая – между народом и образованными классами, остаются незаполненными и зияют и по настоящее время» (*Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык.* – М., 1995. С. 134).

³ Бобринский Алексей Алексеевич (1861 – 1938), граф, этнограф, археолог, автор издания «Народные русские деревянные изделия: предметы домашнего, хозяйственного и отчасти церковного обихода» в 12-ти выпусках (1910 – 1914). С 1918 г. жил в Италии, где в 1931 – 1932 гг. продолжил работу над дополнениями к труду «Народные русские деревянные изделия».

Публикация и примечания К.Б. Ермишиной